

МИХАИЛ МИНЦ (АМДИР)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АРДЫ КАК ВЫМЫШЛЕННОГО МИРА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

Представление о толкинистике как об уже сформировавшейся «отдельной и достаточно специфической области знаний» (1), кажется, не вызывает сегодня серьёзных возражений. Столь же очевидно, что творческое наследие Дж. Р. Р. Толкина – феномен чрезвычайно сложный и многогранный, его изучение «не под силу» одному лишь литературоведению, и исследователи поневоле вынуждены прибегать также к методам других наук. Иными словами, для толкинистики естественны междисциплинарные подходы и исследования, а для подобной работы, помимо всего прочего, требуется соответствующая теоретико-методологическая база, позволяющая совместить в рамках одного исследования данные, полученные средствами различных научных дисциплин. В современной российской толкинистике вопросы теории и методологии обсуждаются уже довольно давно, однако существующие на сегодня методологические концепции малоприменимы для междисциплинарных исследований. Попробуем наметить возможные пути выхода из этой ситуации.

Данная статья представляет собой расширенный вариант доклада, прочитанного в 2010 г. на Большом Толкиновском семинаре в Санкт-Петербурге (2). Предварительный вариант статьи обсуждался на «Весконе» 2019 года, результаты обсуждения учтены в настоящем тексте.

Так сложилось, что отправной точкой для моих изысканий в области теории и методологии стали в своё время публикации Д. О. Виноходова (3). В них собран и проанализирован довольно обширный материал, но общие выводы, к сожалению, весьма уязвимы для критики: посчитав обрисованную им ситуацию удовлетворительной, автор в каком-то смысле остановился на полпути. Я попытался сделать следующий шаг, опираясь на его наработки. Как следствие, первые два раздела данной статьи будут посвящены в основном критике его выводов и тех концепций, которые он описывает. Далее излагаются мои собственные построения.

Работы Виноходова в области теории и методологии были связаны также с дискуссией о «классификации» толкинистов, развернувшейся ещё в 1990е годы (4). Его собственный подход к изучаемой проблеме состоит в том, чтобы взглянуть на творчество Толкина глазами неискущённого исследователя, никогда раньше не имевшего дела с этими произведениями:

«Представим себе, что мы ещё пока никогда ничего не слышали о книгах Дж. Р. Р. Толкина. И вот перед нами находится стол, на котором лежат три издания “Хоббита”, два из-

дания “Властелина колец”, “Сильмариллион”, “Неоконченные сказания”, двенадцать томов “Истории Средиземья”, “Приключения Тома Бомбадила”, “Дорога вдаль бежит”, “Письма Дж. Р. Р. Толкина”, “Письма Деда Мороза”, “Роверандом”, а также сборники рисунков Профессора. Что нам делать с этой горой? Как ее изучать? Чтобы принять решение, необходимо сперва ответить: что это за тексты?» (5)

Первой логической развилкой, с которой мы сталкиваемся на этом пути, является вопрос о том, как соотносятся между собой сам Толкин, его тексты и описанный в них мир. В зависимости от того, как отвечает на этот вопрос конкретный исследователь, можно различить пять методологических подходов: «филологический» (изучение творчества Толкина литературоведческими методами исходя из той предпосылки, что Арда, как и описывающие её тексты, является плодом фантазии самого Толкина), «психоаналитический» (предполагает, что за толкиновскими образами стоят определённые подсознательные механизмы, и нацелен на изучение этих механизмов), «исторический» (изучение «внутренней» истории Арды, как если бы она существовала в материальной форме), «визионерский» (основан на убеждении, что мир, описанный в текстах Толкина, существует объективно и был явлен ему в визионерском опыте) и «религиоведческий» (попытки построить новую религию на основе толкиновских текстов) (6). Виноходов признаёт, что описанные им подходы несовместимы между собой, однако предполагает, что знания, полученные в рамках разных подходов, могут быть объединены в некую целостную картину (7).

Помимо этого, каждый исследователь, вне зависимости от того, как он отвечает для себя на вопрос об отношении Толкина к Арде и описывающим её текстам, сталкивается с проблемой выбора между различными, порой взаимоисключающими данными по тому или иному вопросу, содержащимися в разных произведениях Толкина. Наиболее простым и потому соблазнительным способом решения этой проблемы является выделение того или иного ограниченного набора текстов в качестве «канона», Виноходов считает такой подход неприемлемым (8).

Рассмотрим эти идеи более подробно.

Совместимы ли разные ответы на «основной вопрос толкинистики»?

Сомнительным представляется прежде всего тезис Виноходова о возможности интеграции знаний, полученных в рамках разных подходов, основанных на разных ответах на вопрос о природе толкиновского мира и описывающих его текстов. По моему убеждению, эта возможность иллюзорна: если один исследователь в своей работе исходил из того, что Средиземье придумано Толкином, а другой (хотя бы понарошку) – из того, что оно где-то существует или существовало объективно, то полученные ими результаты будут так же несовместимы между собой, как и те подходы, которые они применяют. Виноходов и сам отмечает, что каждое исследование должно выполняться строго в рамках какого-то одного подхода (9). Но даже в этом случае, если мы попытаемся использовать результаты таких исследований для каких-то обобщающих построений, то данная операция сама по себе тоже будет сравнительным исследованием, и для его выполнения нам снова понадобится какая-то единая теоретико-методологиче-

ская основа. В противном случае сравнительный анализ окажется невозможным, поскольку не все сравниваемые выводы будут считаться в равной степени корректными. Следовательно, и этот выход в действительности является не более чем иллюзией.

Любопытно, что свою концепцию Виноходов иллюстрирует двумя метафорами, которые ему самому представляются синонимичными, хотя в действительности являются взаимоисключающими. Так, он сравнивает толкинистику с современной физикой, где каждый квант электромагнитного излучения (например, света) может рассматриваться и как микроскопическая электромагнитная волна (дуг), и как частица световой материи (фотон), что позволяет учёным использовать разные методы в зависимости от того, какие именно свойства квантовых объектов они исследуют (10). Но корпускулярно-волновой дуализм – это не две несовместимых между собой концепции, а именно единая теория, в рамках которой свет имеет двоякую природу и может проявлять себя по-разному в разных исследовательских ситуациях. Создание такой концепции, несомненно, является целью теории и методологии толкинистики, но в работах Виноходова эта цель не достигнута.

Ещё одна метафора состоит в том, что вопрос, как соотносятся между собой Толкин, его произведения и описываемый в них мир, Виноходов называет «основным вопросом толкинистики», по аналогии с основным вопросом философии (11). На самом же деле вопрос «об отношении мышления к бытию» – или, если немного утрировать, вопрос о существовании Бога – считался таковым лишь в советской традиции. В классической «марксистско-ленинской» формулировке он предполагал лишь два возможных ответа, причём сам вопрос считался синонимом вопроса о возможности научного познания, ответ о первичности материи – синонимом тезиса о том, что научное познание возможно, а ответ о первичности сознания – синонимом отрицания науки, что само по себе более чем спорно, поскольку свойственный материализму детерминизм неизбежно вообще ставит под сомнение возможность какого бы то ни было познания. Это позволяло разделить всё бесконечное многообразие философских учений и школ на «идеалистические» и «материалистические», и при ближайшем рассмотрении такая классификация выглядит крайне искусственной и тенденциозной. Неудивительно, что в изданной уже в постсоветские годы многотомной «Новой философской энциклопедии» (12) статья «Основной вопрос философии» попросту отсутствует.

В действительности на «сакраментальный» с точки зрения советских идеологов вопрос «Есть ли Бог?» возможны не два ответа, а гораздо больше, да и значение его в разных философских системах неодинаково. Позитивисты, к примеру, считали бессмысленной саму постановку этого вопроса, поскольку он заведомо не решается научным путём. На этом основании они критиковали не только идеализм, но и материализм, так что в советской традиции позитивизм считался «идеалистическим» учением, хотя сами позитивисты, вероятно, весьма удивились бы такой трактовке. Ничуть не меньше удивились бы средневековые номиналисты, которые в советских учебниках представлялись чуть ли не материалистами, хотя в действительности все они были убеждёнными католиками.

Таким образом, «основной вопрос философии» никогда и не задумывался как основа для интеграции знаний, полученных в рамках различных, в том числе несовместимых между

с собой, философских концепций. Цель была прямо противоположной – как можно точнее и решительнее «отсечь» все философские учения, не укладывающиеся в марксистское видение мира в его советском варианте, заклеив их как «идеалистические» и антинаучные. Из этих концепций позволялось заимствовать лишь отдельные наработки вроде гегелевской диалектики, которые могли быть относительно безболезненно перенесены на материалистическую почву. Предложенная метафора, таким образом, не столько подтверждает концепцию Виноходова, сколько, напротив, опровергает её.

Если внимательно рассмотреть описанные Виноходовым пять подходов к исследованию творчества Толкина, то приходится признать, что подлинно научный из них лишь один – это «филологический» подход, базовый постулат которого состоит в том, что создателем не только Арды, но и описывающих её текстов был сам Толкин. «Психоаналитический» подход по сути является его разновидностью, к тому же на практике он используется довольно редко. Ненаучность «визионерского» и «религиоведческого» подходов признаёт и сам Виноходов (13). «Религиоведческий» подход, в сущности, и не относится к изучению творчества Толкина как такового; «визионерский» же представляет собою не столько особую методологию, сколько особую *форму знания*, мифологическую в своей основе, тогда как в данной статье речь идёт исключительно о научных изысканиях, да и познавательная ценность визионерства также сомнительна. Неудивительно, что оба «подхода» основываются на предпосылках, совершенно чуждых мировоззрению самого Толкина.

Наконец, для изучения «внутренней» истории Арды предлагается использовать отдельный «исторический» подход, основанный на предположении (пусть и «понарошку»), что мир Средиземья существует (или существовал) материально, а Толкин являлся всего лишь его исследователем. Тем самым результаты изучения «внутренней» истории Арды оказываются несовместимыми с результатами литературоведческих изысканий, выполненных в рамках «филологического» подхода, а попытки изучать толкиновский мир, игнорируя его «вторичную» природу, приводят к неустрашимым методологическим коллизиям, о которых ещё будет сказано ниже. Кроме того, использование «исторического» подхода фактически подменяет подлинное исследование *игрой в исследование*, недаром многие профессиональные литературоведы рассматривают изучение «внутренней» истории Арды как что-то несерьёзное. Между тем, изучать её, на мой взгляд, действительно необходимо, по крайней мере по двум причинам. Во-первых, просто потому, что вымышленный мир, с которым мы имеем дело, в каком-то смысле является самостоятельным художественным произведением (подробнее об этом ещё будет сказано ниже). В таком случае его «внутренняя» история – это его неотъемлемая составная часть, игнорировать которую методологически некорректно. Во-вторых, Толкин и сам стилизовал многие свои тексты под подлинные исторические источники, так что своеобразная «игра в историю» по сути входила в авторский замысел. Более того, известен по крайней мере один случай, когда рецензент издательства *George Allen & Unwin*, прочитав рукопись «Лэ о Лэйтиан», на полном серьёзе принял её за подлинный древний текст (14).

К изучению «внутренней» истории Арды примыкает и такая сугубо литературоведческая задача, как анализ субъектной организации произведения, включая субъективные пред-

ставления и ощущения его персонажей, поскольку «то, как и что видят герои и различные рассказчики, становится тем, как и что видим мы, читатели, – то есть тем, что именно, в свою очередь, автор пытается передать (или навязать – в зависимости от нашего желания и способности сопротивляться) нам как *своё* видение» (15). Необходимо, следовательно, выработать более действенный методологический подход, который позволил бы изучать «внешнюю» (литературоведческую) и «внутреннюю» (с точки зрения персонажей самого легендарнума) историю толкиновского мира без необходимости использовать несовместимые ответы на «основной вопрос толкинистики».

Сам по себе соблазн представить Арду как материально существующий мир вполне объясним. Нужно воздать должное мастеру, потратившему годы на тончайшую прорисовку каждой детали на своём полотне. Когда рассматриваешь его творение, и в самом деле кажется, что перед тобой не картина, а распахнутое окно, в которое можно высунуть голову и оглядеться по сторонам. Но это чувство иллюзорно. Даже если Второй Голос из «Листа кисти Ниггля» действительно сделал толкиновское Дерево частью «большого» Творения, нам не дано знать об этом. Точно так же мы не знаем, насколько сильно окончательный вариант Картины отличается от тех этюдов, что оставил нам художник, отправившись в Путешествие. Рассуждения о том, что любое значительное произведение искусства неизбежно де выходит из-под контроля автора и начинает жить самостоятельной жизнью, в данном случае ничего не доказывают: никому ещё не удавалось *физически* войти внутрь какого-либо произведения – во всяком случае, таким образом, чтобы это стало научно доказанным фактом. Неубедителен и другой довод, согласно которому, отрицая «исторический» подход, мы якобы превращаем Арду в кукольный театр, а Толкина – в кукловода, дёргающего за ниточки (16): нельзя не признать, что и эти рассуждения рождены всё тем же соблазном представить Арду существующей материально. Иначе нам придётся согласиться с тем, что и у настоящего кукловода все персонажи в действительности живут собственной жизнью, а пресловутые ниточки – не более чем иллюзия. Увы, как бы нам ни хотелось иного, но в роли «кукловода» неизбежно оказывается любой земной художник, и его стремление придать своему произведению внутреннюю непротиворечивость, хоть и является самоограничением, но ещё не выводит творение из-под контроля автора, поскольку создавать подлинно живые миры под силу лишь Всевышнему. Сам Толкин, во всяком случае, был с этим согласен – достаточно вспомнить миф о сотворении гномов. Так что и нам, по-видимому, ничего не остаётся, кроме как полностью отказаться от «исторического» подхода и исследовать произведения Толкина как творение самого Толкина.

Проблема разночтений между источниками

Вторая серьёзная проблема связана с тем, что одни и те же события или явления могут по-разному описываться в разных текстах. В статье «Подходы к изучению текстов Толкина» Виноходов выделяет два возможных пути её решения – уже упоминавшийся «исторический» подход и «канонистическо-историографический» (17). Последний основывается на том, что некий ограниченный набор произведений Толкина рассматривается в качестве «канона», то есть комплекса источников, признаваемых достоверными априори. Во втором разделе статьи

«Толкинистика: принципы и проблемы методологии» Виноходов подробно разбирает различные варианты «канона», предлагавшиеся в разное время разными группами исследователей («пятикнижный», «раннечетырёхкнижный», «позднечетырёхкнижный», «ревизионистский») и приходит ко вполне обоснованному выводу, что «канонистическая» методология порочна в самой своей основе (18). В этой же статье он отказывается от прежнего противопоставления «канонистическо-историографического» подхода «историческому» и предполагает, что канонистическую или неканонистическую форму может принимать любой из описанных им пяти основных подходов к изучению творчества Толкина, включая, к примеру, «филологический» (19), что, на мой взгляд, не совсем верно. В качестве примера Виноходов ссылается на нежелание ряда исследователей использовать в своей работе черновики и письма Толкина. Однако недостаточное внимание к определённой группе источников свидетельствует лишь об отсутствии интереса к их изучению, что может сделать исследование односторонним и привести к неверным выводам, но само по себе ещё не является методологической ошибкой. Настоящий «канонизм» возможен именно при изучении «внутренней» истории Арды, когда возникает вопрос о достоверности используемых источников. Статья «Подходы к изучению текстов Толкина» в этом отношении, видимо, ближе к истине.

Альтернативой «канонизму» Виноходов считает «исторический» подход, в рамках которого исследователь имеет возможность «признать все имеющиеся в нашем распоряжении тексты аутентичными и равно достойными изучения, а проблему выбора достоверной информации решать в каждом случае отдельно, опираясь на логику и сравнительный анализ в рамках того подхода, который был выбран в процессе ответа на ОВТ [основной вопрос толкинистики – М. М.]» (20). Виноходов и сам оговаривается, что предложенная им концепция не подходит к некоторым произведениям «ардийского» цикла, таким как «Утраченный путь» или «Записки клуба “Мнение”» (21). Но даже с этой оговоркой предложенное решение вызывает серьёзные возражения.

Во-первых, Толкин действительно стилизовал многие свои произведения под подлинные источники, возникшие непосредственно в Средиземье, но это относится лишь к части его наследия. Есть также немало число текстов, стилизованных под *исследования истории Арды*, «выполненные» Толкином, – подразумевается, что он при этом использовал какие-то подлинные источники, «открытые» им самим. «Хоббит» и «Властелин колец» оформлены как *художественные произведения, созданные на основе подлинных источников, возникших в Средиземье*, – прежде всего на основе «Алой книги». Имеется, наконец, обширный комплекс текстов, в которых Толкин выступает напрямую как создатель Арды. Причём если у его писем есть свои адресаты, то «Преображённые мифы» – это в чистом виде рабочие заметки для себя. Внимательный анализ доступных текстов, вероятно, позволит выявить и ещё более сложные варианты взаимоотношений между писателем и его *sub-creation*. «Земные» историки с такими документами просто не сталкиваются, у нас нет доступа к черновикам Бога.

Во-вторых, мы знаем, что образ Арды и её истории в представлении Толкина со временем не только прирастал новыми землями и эпохами, но и неоднократно пересматривался, так что Арда, какой мы видим её, условно говоря, в «Книге утраченных сказаний», в опубли-

кованном «Сильмариллионе» и в «Преображённых мифах», – это в известном смысле разные миры. В таком случае интерпретировать различия между источниками по аналогии с различиями в «земных» документах будет корректно лишь в том случае, если не согласующиеся между собой тексты относятся к одной и той же версии истории Арды и написаны с одинаковых позиций (то есть если во всех сравниваемых текстах Толкин позиционирует себя в одном и том же качестве), в противном случае мы рискуем получить заведомо некорректный результат.

Представим себе исследователя, которому каким-то образом удалось получить доступ не только к обычным «земным» источникам, но и к документам, возникшим в некоем параллельном мире, очень похожем на наш, но с определёнными отличиями. Предположим, например, что в этом мире Вторую Пуническую войну выиграл не Рим, а Карфаген. Наш учёный штудирует «Историю Рима от основания города» Тита Ливия, а затем берёт в руки «Историю Карфагена от основания города», написанную неизвестным ему африканским историком, не подозревая о «потустороннем» происхождении этого произведения, и с удивлением читает, что война 218–201 гг. до Р. Х. закончилась поражением Римской республики, которая вынуждена была принять унизительные для неё условия мира. Если исходить из того, что оба произведения написаны в одной и той же вселенной, то можно предположить, например, что война на самом деле закончилась вничью, поэтому со временем и римляне, и карфагеняне посчитали её результат своей победой. Такие случаи в принципе возможны: то же Бородинское сражение во французской массовой памяти до сих пор воспринимается как победа Наполеона, а в русской – как победа Кутузова, хотя в действительности это был как раз тот случай, когда обе стороны «потерпели победу, одержали поражение». Но в нашем примере два исторических трактата были написаны в разных мирах, и подобная «компромиссная» интерпретация не будет иметь абсолютно никакого отношения не только к научной истории «земных» Рима и Карфагена, но, пожалуй, и к истории одноимённых государств на условной «Земле II».

Понятно, что на практике исследователей интересует прежде всего «опубликованный» вариант истории Арды. Прижизненное издание даже части относящихся к нему произведений в определённом смысле «повышает» его статус, тем более что в число этих произведений входит и «Властелин колец» – самое масштабное творение Толкина. Эта же версия его легендарiums является и наиболее подробно разработанной, что обуславливает не только чисто познавательный интерес, но и практический, связанный с ролевыми играми. Неудивительно, что именно эту версию истории Арды – точнее, относящиеся к ней опубликованные тексты – нередко пытаются представить в качестве «канона» (его «раннечетырёхкнижный» вариант включает в себя только «Хоббита» и «Властелина колец», в «пятикнижный канон» входит также «Сильмариллион», в «позднечетырёхкнижной» версии, наоборот, отсутствует «Хоббит»). Из этого не следует, однако, что все прочие тексты нужно либо игнорировать как «неканонические», либо пытаться тем или иным образом «вписать» непосредственно в «опубликованную» версию мифологии. Их просто нужно анализировать с учётом того обстоятельства, что они относятся к другим версиям легендарiums, которые тоже могут представлять интерес для исследователя как самостоятельные этапы творческого пути Толкина.

Сказанное не исключает разнообразных «вольных» интерпретаций тех текстов, которые не вписываются в «пяτικнижную» версию истории Арды. Можно встретить, к примеру, такую точку зрения, что «Книга утраченных сказаний» на самом деле представляет собой поздний вариант мифологии, созданный людьми в тот период, когда эльфы уже покинули Средиземье и предания, оставшиеся после них, начали постепенно искажаться в человеческой памяти. Идея оригинальная и по-своему красивая, но важно понимать, что научной концепцией она не является и целиком относится к художественному творчеству «по мотивам». Подобные решения имеют право на существование, но смешивать их с *исследованием творчества Толкина* как таковым всё же не стоит.

Теоретические основы: Арда как самостоятельное произведение

На какой же теоретической основе можно построить по-настоящему комплексное, междисциплинарное изучение творчества Толкина? Как мне кажется, такая модель вполне выстраивается и в рамках «филологического» подхода. Зададимся для начала вопросом, что является объектом и предметом наших изысканий. Как следует из самого названия толкинистики, в конечном счёте она изучает личность Дж. Р. Р. Толкина в её историческом и культурном контексте. Иными словами, предмет толкинистики – это внутренний мир Профессора, его мысли, убеждения, духовные искания и, наконец, его творчество – научное и художественное.

Центральным элементом толкиновского художественного наследия является сам мир Арды, который было бы правильнее рассматривать как самостоятельное произведение, хотя и нематериальное по своей природе. Понятие «мир литературного произведения» используется в научных работах, но в более широком смысле, как «предметный аспект художественного изображения (образа)», один из основных элементов литературной формы наряду с композицией и художественной речью, включающий в себя такие явления, как «персонаж, сюжет, пространство и время, портрет, высказывания персонажей, пейзаж, интерьер, вещь» (22). Случай Толкина явно более сложный, поскольку, создавая свою «мифологию для Англии», он довольно много времени и сил тратил не только на придумывание историй как таковых, но и на разработку самой вселенной, в которой разворачиваются его истории. Результатом этой работы стал прежде всего обширнейший комплекс материалов, посвящённых языкам Арды, но кроме того мы имеем и многочисленные тексты «научного» и «справочного» характера, в которых описывается космография толкиновского мира, культура и история народов Средиземья – в качестве примера можно вспомнить такие произведения, как «Амбарканта», «Описание острова Нуменор», большая часть приложений к «Властелину колец» и многие другие. Как следствие, нам теперь приходится изучать не просто цикл литературных произведений, действие которых (как и в других произведениях художественной литературы) происходит в созданном их автором условном мире, лишь отчасти напоминающем наш собственный, а саму толкиновскую вселенную, причём эта вселенная, если рассматривать её во всей её полноте, представляет собой нечто большее, нежели корпус описывающих её источников, обладает собственной историей протяжённостью во много тысячелетий и по частям раскрывается в отдельных текстах, рисунках и картах.

Если попытаться дать Арде более или менее научное определение, свободное от визионерских домыслов, то можно сказать, что это прежде всего идея, мысленный образ вымышленного мира, в свою очередь представляющий собою сложный комплекс более конкретных идей, представлений и образов. Когда-то он существовал только в сознании самого Толкина, сейчас является достоянием земного человечества в целом. В этом смысле Арда действительно уже давно существует как элемент объективной реальности, независимо от сознания и воли её создателя. Впрочем, то же можно сказать и о других произведениях человеческой культуры: в некотором роде вся она представляет собой прежде всего комплекс идей и уже во вторую очередь совокупность текстов (в широком смысле слова, включая и изображения, и музыкальные произведения) и их материальных воплощений, то есть конкретных книг, картин и т. д. Другое дело, что такая природа культуры особенно заметна именно на примере Толкина, чей вымышленный мир настолько глубок и многогранен, настолько изобилует деталями и подробностями, что его самостоятельное существование отдельно от описывающих его текстов сразу бросается в глаза.

Будучи включённой в мировое культурное наследие, Арда соединена множеством самых разнообразных связей с другими его частями, что делает возможным исследование её места в человеческой культуре с применением различных литературоведческих, исторических, культурологических, психологических и иных методов. В то же время следует подчеркнуть, что изучение Арды ни в коем случае не должно сводиться к одному лишь анализу текстов.

Существует ли этот мир материально – в конечном счёте вопрос веры, на который каждый отвечает самостоятельно. По доступным текстам можно, однако, выяснить, что по этому поводу думал сам автор «Властелина колец». Для этого попробуем проанализировать эссе «О волшебных сказках», сказку-притчу «Лист кисти Ниггля» и знаменитый черновик письма Питеру Гастингсу 1954 года.

В эссе «О волшебных сказках» Толкин характеризует рассказчика как «вторичного творца» (*sub-creator*), а создание мифов и сказок – как «вторичное творчество» (*sub-creation, sub-creative art*). Если рассказчик достаточно искусен, то он «создаёт Вторичный Мир» (*Secondary World*), в который получает доступ ваш разум. И в его пределах всё, что рассказчик рассказывает, – “истинно”: всё согласуется с законами этого мира. Потому вы верите каждому слову – пока находитесь, так сказать, внутри». Это состояние слушателя писатель называет «Вторичной Верой» (*Secondary Belief*) (23). Термином «Первичный Мир» (*Primary World*) он обозначает нашу эмпирическую реальность. Создание по-настоящему убедительного Вторичного Мира, «в пределах которого зелёное солнце покажется правдоподобным и породит Вторичную Веру», – задача чрезвычайно трудная, но наградой успешному мастеру будет «редчайшее из произведений Искусства: речь идёт об искусстве повествовательном, сочинительстве в его исходной и наиболее могущественной форме» (24). В качестве метафоры для такого искусства Толкин использует эльфийские чары (*Enchantment*):

«А вот “Драма Фазри” – то есть пьесы, которые, если верить многочисленным свидетельствам, эльфы зачастую представляли перед людьми, – может творить Фантазию, обладающую реальностью и непосредственностью воздействия, далеко превосходящими любую

человеческую технику. В результате обычно производимый ими (на человека) эффект таков, что человек выходит за пределы Вторичной Веры. Если вы вступили в драму Фаэри, вы и сами физически находитесь, или полагаете, что находитесь, в её Вторичном Мире. Ощущение это, возможно, сходно с Грёзой, и (по всей видимости) порою их путают (люди). Но в драме Фаэри вы пребываете в грёзе, которую ткёт иной разум, – причём осознание этого пугающего факта от вас, возможно, и ускользает. Вы соприкасаетесь с Вторичным Миром напрямую: зелье слишком крепко, так что вы верите в увиденное Первичной Верой (*Primary Belief*), сколь бы невероятны ни оказались события. Вы обмануты – а уж эту ли цель преследуют эльфы (всегда или в какой-то определённый момент) – это вопрос другой. Во всяком случае, сами-то они не обманываются. [...] Чары создают Вторичный Мир, в который могут войти и создатель и зритель, и мир этот будет восприниматься ими до тех пор, пока они в нём находятся; но это – чистой воды художественное творение по замыслу и цели» (25).

Толкин отмечает, что «возможно, каждый писатель, создающий вторичный мир, фантазию, каждый творец вторичной реальности в какой-то степени мечтает быть истинным творцом или надеется, что приближается к реальности; надеется, что особое, неповторимое ощущение от его вторичного мира (если не все детали) заимствовано из Реальности или перетекает в неё» (26). Хорошая сказка не только описывает убедительный Вторичный Мир, но и передаёт в иносказательной форме фундаментальные истины, относящиеся к первичной реальности. Наконец, высшая надежда для автора-христианина состоит в том, что «Фантазией он ни много ни мало как содействует украшению и многократному обогащению сотворённого мира. Все сказки могут однажды сбыться – и тогда наконец, очищенные и возрождённые, они будут так же похожи и непохожи на те формы, что мы им придаём, как Человек спасённый будет похож и непохож на того падшего, которого мы знаем» (27).

Эту мысль писатель развивает в «Листе кисти Ниггля». Очевидно, что Дерево является произведением самого художника; в период его земной жизни материальна лишь его картина, которая так и остаётся незаконченной, а вскоре после смерти Ниггля («отъезда в Путешествие») и вовсе погибает, непонятая и не оценённая по достоинству. Тем не менее после того как Ниггля отпускают из чистилища (назначают «курс помягче»), он попадает в тот самый мир, который когда-то пытался изобразить на картине. Теперь этот мир уже материален, он стал частью Первичного Творения. Он не закончен, но Дерево уже дорисовано – таким, каким его в своё время представлял себе Ниггль; иными словами, его творение – это прежде всего его идеи, именно они и получают материальное воплощение. Ниггль и Пэриш вдвоём завершают картину – теперь уже не в переносном, а в буквальном смысле слова уподобляясь толкиновским валар, совершенствующим первичный мир, – после чего Ниггль покидает её, приступив к Восхождению. Однако, как быстро выясняется, созданная ими страна приносит немалую пользу и многим другим пациентам больницы как удобная остановка перед Восхождением. Заметим, кстати, что, хотя Горы (рай) не являются частью Ниггль-Пэриш, они всё же присутствовали на картине, и в своём совершенном воплощении страна Ниггля действительно располагается у их подножия. Поскольку эта история, не будучи аллегорией в точном смысле слова, всё же более чем применима к творчеству самого Толкина, мы можем предположить, на что он

надеялся: если только вся его жизнь не была ошибкой, то Арда, возникшая просто как плод его воображения, возможно, ещё может получить своё воплощение в первичной реальности (хотя и недоступной жителям «нашего» мира при жизни) и в этом новом качестве принести пользу другим, если Второй Голос даст на то своё соизволение (28).

Это предположение подтверждает и черновик письма Питеру Гастингсу. «Хотя этот мир *словно бы* вырвался из-под контроля, – пишет Толкин, – так что отдельные его составляющие, *как кажется (мне)*, скорее явлены через меня, нежели мною, – *цель его по-прежнему главным образом литературная* (и, если термин вас не испугает, дидактическая)» (29). Как ни соблазнительно использовать эту цитату в качестве доказательства материального существования Арды, при внимательном прочтении становится видно, что речь идёт исключительно об ощущениях автора, но не о том, что созданный им мир на самом деле «вырвался из-под контроля». К тому же абзацем выше можно прочесть и ещё более категоричное утверждение:

«Я мог бы ответить, что подобная “биология” [допускающая браки между относительно бессмертными эльфами и смертными людьми – *М. М.*] стоит лишь на уровне теории, что современная “геронтология” или как бы уж её ни называли, считает „старение“ процессом куда более загадочным и не настолько очевидно неизбежным в телах, подобных человеческим. Но на самом деле я отвечу: мне всё равно. Таков биологический закон *в моём вымышленном мире*. Это всего лишь (пока) недостаточно домысленный мир, “вторичный” в зачаточном состоянии; но, *если угодно будет Создателю наделить его (в исправленном виде) Реальностью на каком-либо плане*, тогда вам просто придётся войти в него и взяться за изучение его иной биологии – вот и всё» (30).

Как видим, Толкин фактически повторяет здесь ту же мысль, которая в иносказательной форме изложена в «Листе кисти Ниггля». В таком контексте даже слова о том, что «отдельные составляющие» Арды «как кажется (мне), скорее явлены через меня, нежели мною», могут рассматриваться лишь как надежда на определённое созвучие между первичным Творением и толкиновским *sub-creation*, но не как доказательство того, что Арда в представлении писателя существовала материально.

Как образ вымышленного мира, Арда, в свою очередь, состоит из множества отдельных образов и идей, образующих, тем не менее, *единое и до конца неразделимое целое*. В то же время единственным источником наших знаний о ней являются *тексты* Толкина (а также рисунки и карты), содержащие её *дискретное* описание, к тому же заведомо неполное и допускающее разногласия в отдельных вопросах. С другой стороны, корпус этих текстов довольно обширен и благодаря этому позволяет нам, несмотря на все возможные оговорки, осмыслить Арду в её целостности и достаточно детально исследовать отдельные её составляющие (31).

Итак, если оставить за скобками прочие составляющие толкиновского наследия, не имеющие отношения к «средиземскому» циклу, то структуру объекта толкинистики можно представить себе следующим образом:

во-первых, это *идеи и представления* Толкина;

во-вторых, это *образ Арды*, который их отражает;

наконец, в-третьих, это *тексты Толкина*, анализ которых позволяет нам реконструировать образ Арды.

Из текстов, не относящиеся к истории Средиземья, мы можем получить дополнительные сведения о мировоззрении Толкина, его научных интересах и т. д.

Методологические основы и возможные направления исследований

Ещё одно важное соображение нам даёт современная методология истории. Во второй половине XX в. в ней возобладал дедуктивистский подход, в рамках которого научным фактом для историка является не столько единичное событие (существует и несобытийная история, изучающая долговременные социокультурные процессы), сколько единичный источник, сам же учёный рассматривается не как пассивный получатель информации, содержащейся в источниках, а как активный субъект познавательного процесса, обладающий собственной исследовательской позицией. Источником в рамках данной парадигмы считается фактически любой продукт осознанной и целенаправленной человеческой деятельности (в терминологии А. С. Лаппо-Данилевского – «реализованный продукт человеческой психики»), поскольку любой артефакт, изготовленный человеком, неизбежно несёт в себе какую-то информацию о своём создателе и его эпохе. Такой подход позволяет, в частности, использовать в исторических исследованиях не только письменные источники, но и изобразительные, вещественные и др. Историк, со своей стороны, формулирует интересующую его научную проблему и уже исходя из этого определяет, какая выборка источников необходима для её решения. Работа исследователя с источником с данной точки зрения выглядит как своеобразный диалог: учёный как бы задаёт вопросы источнику (на самом деле, разумеется, не столько самому источнику, сколько опосредованно его автору), пытаясь извлечь из него необходимую информацию путём целенаправленных усилий. «Вопросы» при этом могут быть самыми разными, в том числе могут относиться к разным областям науки. Неудивительно, что современные специалисты-источниковеды рассматривают свою дисциплину не столько как чисто историческую, сколько как общегуманитарную, хотя она и «отпочковалась» от исторической науки.

Если применить эти общие соображения к исследованиям по толкинистике, то становится очевидным, что мы можем анализировать одно и то же произведение Профессора под самыми разными углами зрения, в том числе применяя методы различных гуманитарных наук одновременно в рамках одного и того же исследования. Мы можем, например, проследить и «внешнюю», и «внутреннюю» историю интересующего нас сюжета; в этом случае нам придётся из одного и того же источника извлечь как литературоведческую информацию (история текста, литературные прообразы сюжета и персонажей и т. д.), так и историческую (о событиях «внутренней» истории Средиземья, субъективных представлениях персонажей и т. д.). Это, кстати, ещё одна причина, почему не следует разводить литературоведение и «внутреннюю» историю толкиновского мира по разным методологическим подходам.

Подобное понимание объекта, предмета и методов толкинистики позволяет заложить необходимую базу для междисциплинарных исследований и изучать творческое наследие Толкина с использованием всего многообразия методов, применяемых в различных отраслях

гуманитарного знания. Можно отметить, в частности, следующие перспективные направления работы:

- *Текстологические исследования.* Сравнительная история толкиновских произведений – опубликованных и черновики – составляет необходимую основу для любых других изысканий, связанных с его творчеством.

- *Биографические исследования.* Сюда относится не только изучение биографии писателя как таковой, в общем историческом и культурном контексте XIX–XX столетий, но и анализ того, как отразились на его творчестве те события и испытания, которые ему довелось пережить. Этот подход реализован, к примеру, в работах Дж. Гарта, посвящённых периоду Первой мировой войны в жизни Толкина (32). Важной и пока ещё мало изученной темой является также его окружение, круг общения, жизненный опыт и мировоззрение тех людей, с кем ему выпало вместе учиться, работать, воевать и т. д. Во многих отношениях эти факторы повлияли на содержание и стилистику его легендарiums ничуть не меньше, нежели тот литературный и языковой материал, который ему приходилось анализировать как филологу.

- *Изучение «внешней» истории Арды,* то есть эволюции образа этого мира в представлении Толкина. Базируется главным образом на текстологическом материале (33).

- *Источниковедческие исследования.* Как уже говорилось выше, работа исследователя, анализирующего «внутреннюю» историю Арды, действительно во многом похожа на работу «земного» историка, но осложняется тем, что представления самого Толкина о собственной вымышленной вселенной менялись со временем, а доступные нам тексты далеко не все стилизованы под «внутренние» памятники, оставленные жителями Средиземья. Как следствие, источниковедческий анализ этих текстов, помимо обычных приёмов и методов, хорошо знакомых историкам, включает в себя определение того, как именно позиционирует себя Толкин по отношению к описываемому миру в каждом конкретном произведении. Такие тексты, как письма или «Преображённые мифы», являются внешними по отношению к Арде и должны анализироваться как обычные «земные» источники.

Некоторые намёки на необходимость критического отношения к историям, стилизованным под подлинные источники, возникшие непосредственно в Средиземье и «открытые» Толкином, можно найти в его письмах. Так, в письме к Мильтону Уолдману упоминается об «эльфоцентричности» сказаний Первой эпохи, составляющих «Сильмариллион», которая повлияла, в частности, на то, как в этих сказаниях показаны люди (34). Там же говорится о том, что происхождение хоббитов «неизвестно (даже им самим), поскольку великие, они же цивилизованные, народы, из тех, что составляют летописи, их своим вниманием обошли» (35). Можно встретить и упоминания о том, что некоторые подробности, приводимые, к примеру, в «Хоббите», «ошибочны» (36). Но эти вопросы нуждаются в дальнейшем изучении.

- *Изучение «внутренней» истории Арды – с учётом её «внешней» истории и результатов источниковедческих изысканий.* Здесь нам придётся смириться с тем, что разным этапам «внешней» истории соответствуют разные массивы источников, по которым можно изучать историю «внутреннюю», хотя эти массивы, скорее всего, будут частично пересекаться, поскольку «внешний» образ Арды эволюционировал постепенно, так что границы между от-

дельными этапами достаточно размытые.

- *Литературоведческие исследования* – изучение произведений Толкина в общем контексте мировой литературы.

- *Лингвистические исследования* – реконструкция толкиновских языков на разных этапах их развития фактически тоже является составной частью изучения истории Арды (как «внешней», так и «внутренней»), хотя и довольно обособленной, поскольку лингвистика – это самостоятельная наука с собственным методическим инструментарием (37).

На этой базе в принципе можно выполнять и любые другие исследования, включая изучение философских и религиозных взглядов Толкина, их влияния на его творчество и т. д. Возможен и психологический анализ, но с оговоркой, что его объектом являются не столько тексты как таковые, сколько описанные в них истории и образы. Конкретное исследование может относиться одновременно к нескольким из перечисленных направлений, в зависимости от того, какие задачи ставит перед собой автор.

Отдельный вопрос – это применение «земных» теорий исторического процесса при изучении истории Арды. Виноходов признаёт его вполне допустимым (38); он ссылается, в частности, на работы Эрандила, посвящённые применению концепции этногенеза Л. Н. Гумилёва к реалиям толкиновского мира (39). Современные историки, правда, в большинстве своём не воспринимают идеи Гумилёва всерьёз (40), но проблема даже не в этом. Действительно, с точки зрения «исторического» подхода в том виде, как он представляется Виноходову, подобное использование «земных» теоретических моделей оправданно, коль скоро процесс изучения истории Арды в целом уподобляется изучению истории земных государств, обществ и культур. Если же исходить из подхода, описанного выше, то есть рассматривать Арду как вымышленный мир, созданный Толкином, то возможность использовать при его изучении «земные» теории исторического процесса вызывает большие сомнения. Строго говоря, в Средиземье «работали» лишь те «законы истории», которые в этот мир вложил сам Толкин. Так что методологически корректным решением было бы прежде всего проанализировать его собственные взгляды на исторический процесс, опираясь на доступный нам материал по «внутренней» истории Арды, а не пытаться подогнать этот материал к одной из моделей, созданных историками первичного Творения, отличающегося от толкиновского мира по целому ряду параметров, включая природу, характер и темпы технологического развития, жизненные ритмы и циклы, наконец, отсутствие прямого вмешательства божественных или ангельских сил в исторический процесс.

Едва ли не единственное исключение из этого правила составляет сравнение конкретных обществ и культур Арды с теми «земными» культурами, по аналогии с которыми Толкин их изображает. Наиболее очевидным примером является сходство рохиррим с древними англосаксами. Если какое-либо государство или общество, существовавшее в Средиземье, имело более или менее определённый «земной» прототип, можно предположить, что особенности соответствующей «земной» культуры действовали и в Арде, если в текстах явно не оговаривается обратное (41).

Есть, правда, ещё одна «лазейка», состоящая в том, что Толкин мог просто не обдумывать специально какие-то подробности, касающиеся «законов истории». Формально это даёт

нам возможность «домысливать» не проработанные им закономерности самостоятельно, но важно понимать, что такое «домысливание», по крайней мере в большинстве случаев, будет не столько *изучением* истории Арды, сколько нашим собственным творчеством «по мотивам». Как уже говорилось, такое творчество имеет право на существование, но не стоит путать его с наукой.

Не следует также подменять поиск исторических или литературных источников отдельных явлений и событий в мире Средиземья попытками аллегорического истолкования толкиновских сюжетов. Использовать (и развивать, переосмысливать) в своём творчестве какие-то уже известные образы – вполне естественный шаг для художника, и у того же Толкина подобных примеров можно найти довольно много. Аллегория – явление иного рода, она предполагает, что автор намеренно включает в своё произведение иносказательную отсылку ко вполне определённой концепции или явлению в расчёте на то, что именно таким образом эта отсылка будет интерпретирована читателем. Толкин допускал возможность сопоставления его историй с теми или иными реалиями первичного мира, но наличие в своих текстах каких бы то ни было конкретных аллегорий (политических, философских или любых иных) неизменно и категорически отрицал (42), а изобилие всевозможных, нередко взаимоисключающих, «аллегорических» толкований одних и тех же образов и сюжетов только ещё нагляднее подтверждает, что эти сюжеты и образы аллегориями не являются.

Заключение

Как видно из вышесказанного, изучение «внутренней» истории Средиземья вполне возможно и в рамках того, что Виноходов в своих статьях называл «филологическим» подходом. Сам этот термин, впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается достаточно условным; правильнее было бы называть этот подход просто научным. Поскольку он базируется на той предпосылке, что создателем Арды, равно как и описывающих её текстов, является сам Дж. Р. Р. Толкин, именно этот подход – и только он – позволяет нам получить проверяемое доказательное знание. Исследования на основе такого подхода не являются прерогативой одной лишь филологии, здесь могут и должны применяться также методы других гуманитарных дисциплин, причём «на равных» с собственно филологическими методами.

Теоретическую базу для таких изысканий составляют два основных тезиса. Первый из них состоит в признании толкиновского мира самостоятельным художественным произведением, хотя и существующим исключительно в нематериальной форме, но тем не менее доступным для изучения посредством имеющихся в нашем распоряжении источников. Это означает, в частности, что такие исследования должны выполняться с учётом особенностей Арды как вымышленной вселенной, поскольку в этом отношении она обладает не только «внутренним», но и «внешним» временем, а Толкин в своих сочинениях позиционирует самого себя не только в качестве безличного рассказчика или вымышленного автора, проживавшего непосредственно в Средиземье, но и в качестве «исследователя» этого мира либо (в «Преображённых мифах» и письмах) в качестве его создателя. Следует помнить и о том, что научно достоверную инфор-

мацию о толкиновском *sub-creation* мы можем получить только из доступных нам текстов (в широком смысле слова, включая также рисунки Толкина и оригинальные карты); важно не подменять исследование, основанное на анализе этих текстов, нашим собственным «вторичным» творчеством.

Второй важный тезис – это выработанное современной исторической наукой представление об источнике как о материальном информационном посреднике между его автором и исследователем. Подобное отношение к источнику позволяет извлекать из одного и того же произведения информацию по самым разным вопросам (разумеется, при условии, что требуемая информация заложена в произведение его автором, хотя бы неосознанно), даже относящимся к различным областям знания, с применением методов разных научных дисциплин, в том числе и в рамках одного и того же исследования. Изучение творчества Толкина в таком случае становится по-настоящему междисциплинарным, а исследователи получают возможность, сочетая в своей работе методический инструментарий различных гуманитарных наук, получить действительно целостную и многогранную картину его вымышленной вселенной во всей её полноте. Картину, которая, разумеется, так и останется незавершённой, поскольку процесс познания бесконечен.

Примечания

(1) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии // Палантир. 2002. № 30. С. 3–4.

(2) *Мицц М. М. (Амдир).* Теория и методология толкинистики (размышления об основах): доклад, прочитанный на VI Большом Толкиновском семинаре // Палантир. 2011. № 63. С. 4–7.

(3) *Виноходов Д. О.* Задать вопрос... // Tolkien Texts Translation. <http://www.nto-ttt.ru/dv/question.shtml>; Его же. Подходы к изучению текстов Толкина // Палантир. 2001. № 24. С. 30–32; Его же. Толкинистика: принципы и проблемы методологии // Палантир. 2002. № 30. С. 3–16.

(4) *Виноходов Д. О.* Задать вопрос...

(5) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 6.

(6) Там же. С. 6–11.

(7) Там же. С. 11–12.

(8) *Виноходов Д. О.* Подходы к изучению текстов Толкина. С. 30–31; Его же. Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 14–16.

(9) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 12.

(10) Там же. С. 6.

(11) Там же. С. 5.

(12) Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000–2001. Т. 1–4.

(13) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 11.

(14) Там же. С. 9.

(15) *Меерсон О. А.* Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб., 2009. С. 18–19, 25. Выделено в тексте.

- (16) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 12.
- (17) *Виноходов Д. О.* Подходы к изучению текстов Толкина. С. 30–31.
- (18) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 14–16.
- (19) Там же. С. 15.
- (20) Там же. С. 16.
- (21) Там же. С. 10.
- (22) *Романова Г. И.* Мир эпического произведения как теоретико-литературная проблема. М., 2008. С. 219.
- (23) *Толкин Дж. Р. Р.* Чудовища и критики и другие статьи / Под ред. К. Толкина. М.: Elsewhere, 2006. С. 132.
- (24) Там же. С. 140.
- (25) Там же. С. 142–143.
- (26) Там же. С. 155.
- (27) Там же. С. 156–157.
- (28) Некоторые авторы предполагают, что под образами Первого Голоса и Второго Голоса Толкин имел в виду Бога Отца и Бога Сына. Мне ближе точка зрения П. Парфентьева, что с гораздо большей вероятностью речь здесь может идти о Божьей справедливости и Божьем милосердии (см. *Парфентьев П.* Эхо Благой Вести: христианские мотивы в творчестве Дж. Р. Р. Толкина. М.: ТТТ: ТО СПб, 2004. С. 99). Именно Второй Голос предлагает назначить Нигглю «курс помягче» и даёт его картине самостоятельное бытие.
- (29) *Толкин Дж. Р. Р.* Письма / Под ред. Х. Карпентера при содействии К. Толкина; Пер. с англ. С. Лихачевой под ред. А. Хромовой и С. Таскаевой. М., 2004. С. 216. Письмо № 153: К Питеру Гастингсу (черновик). Курсив мой.
- (30) Там же.
- (31) Ср. *Клейменова В. Ю.* Принципы конструирования фикционального мира волшебной сказки как возможного мира // *Studia linguistica.* СПб., 2012. Вып. XXI. С. 196–198.
- (32) *Garth J.* Tolkien and the Great War: the threshold of Middle-earth. London, 2004; *Гарт Дж.* Толкин в Эксетер-колледже: Как оксфордский студент создал Средиземье / Пер. с англ. и дополнения И. Хазанова; Под ред. С. Лихачёвой. М., 2019. См. также *Mathison Ph.* Tolkien in East Yorkshire, 1917–1918: an illustrated tour. Newport (East Yorkshire), 2012.
- (33) О разграничении таких понятий, как текстология и *творческая история* (история мира произведения) см. также *Романова Г. И.* Указ. соч. С. 47.
- (34) *Толкин Дж. Р. Р.* Письма. С. 169–170. Письмо № 131: К Мильтону Уолдману. Ср. также письмо № 208 (к С. Оуботеру), с. 303.
- (35) Там же. С. 181. Письмо № 131: К Мильтону Уолдману.
- (36) Там же. С. 182, 224. Письма № 131 (к Мильтону Уолдману) и № 154 (к Наоми Митчисон).
- (37) См. подробнее: *Кинн К.* Снежный мост над пропастью, или Декларация объективиста // Арда-на-Куличках. <http://www.kulichki.com/tolkien/arhiv/manuscr/snow.shtml>.
- (38) *Виноходов Д. О.* Толкинистика: принципы и проблемы методологии. С. 10.

(39) *Эрандил*. Теория Л. Н. Гумилёва применительно к истории Средиземья [доклад на 2м Большом толкиновском семинаре, Санкт-Петербург, 3 декабря 1995 г.] // Толкиновское общество Санкт-Петербурга [официальный сайт]. <http://www.tolkien.spb.ru/etnog.htm>.

(40) Подробный критический разбор работ Гумилёва даёт, к примеру, И. Н. Данилевский. См. *Данилевский И. Н.* Читая Л. Н. Гумилёва // *Данилевский И. Н.* Русские земли глазами современников и потомков (XII–XIV вв.): курс лекций. М., 2001. С. 336–345.

(41) См. например, о параллелях между Широм и средневековой Исландией: *Могилевцев Д.* О письменности и законоустройстве, или почему хоббиты говорят стихами // Палантир. 2007. № 54. С. 5–7.

(42) Вопрос об аллегориях и отношении к ним неоднократно упоминается в письмах, см. например: *Толкин Дж. Р. Р.* Письма. С. 49, 141, 167, 199, 265, 297, 347. Письма №№ 34 и 109 (к Стэнли Анвину), № 131 (к Мильтону Уолдману), № 144 (к Наоми Митчисон), № 181 (к Майклу Стрейту, черновики), № 203 (к Герберту Широ) и № 229 (из письма в «Аллен энд Анвин»).

